

Сравнительный анализ идентичностей России и Японии (1917–1945 гг.)

К. О. Саркисов

Идентичности совершили крутой поворот: в России – к «диктатуре пролетариата», а затем к сталинскому режиму, в Японии – через «девальвацию» конституции Мэйдзи к милитаризму. Предпринимались значительные попытки создать новую систему ценностей. Однако в решающие моменты геополитика брала верх над идеологией. Анализ вскрывает много общего как в функциях, так и в идеологии обоих государств.

Ключевые слова: милитаризм, тоталитаризм, интервенция в Сибири, война Японии с Китаем, Пакт о нейтралитете.

Первая мировая война усилила влияние геополитического фактора на национальную идентичность обеих стран. За полвека, всего за два поколения, феодальная Япония встала вровень с колониальными европейскими державами и США. Ее территориальные пределы после Первой мировой войны простирались к югу от мыса Лопатка на Камчатке до пространства к северу от мыса Ритидиан на Гуаме. На азиатском континенте ей принадлежали Корея и часть Китая. Русские революции 1917 г. позволили утвердиться на всем пространстве этой провинции Китая, а затем фактически аннексировать ее.

В России Первая мировая война, напротив, развалила обширнейшую империю, которая в начале XIX в. охватывала огромное пространство от Аландских островов у берегов Швеции до Аляски, а к началу войны включала и часть Польши. Но вскоре возникшая на ее развалинах Советская Россия (СССР) восстановила страну в пределах, близких к прежним.

Русско-японский союзный договор от 3 июля 1916 г. сохранял свою силу после Февральской революции, но после социалистической революции он перестал действовать, хотя формально был отменен только в 1924 г., и к возрожденному геополитическому противостоянию двух стран теперь добавилось новое, идеологическое (системное). Из них трудно выделить главный. Они дополняли друг друга. Идеологический фактор привел к переменам не только в ценностных ориентациях, но и определил перманентное восприятие друг друга как враждебной силы.

Сдвиги в идентичности происходят во время крупных событий, влияющих на судьбы народов. В рассматриваемый период их было больше, чем до сих пор:

- Февральская революция и конец Российской империи; короткий переходный период республиканского правления и приход в России к власти большевиков;

- завершение Первой мировой войны, в которой Япония оказалась в числе победителей, а Россия исключенной из этого числа;
- Гражданская война в России и победа большевизма (1918–1922); геополитические амбиции Японии: японская интервенция в Сибири и ее полный провал; начало долгой эпохи идеологической и геополитической вражды; образование Коминтерна (март 1919 г.) и начало подрывной идеологической работы;
- Вашингтонская конференция 1921–1922 годов и ликвидация японо-английского договора (договор четырех стран 13 декабря 1921 г.); начало конфронтации Японии с США и Англией;
- катастрофическое землетрясение 1 сентября 1923 г.; ужесточение внутреннего полицейского режима, преследование левых, анархистов и национальных меньшинств;
- признание Японией Советской Союза и установления с ним отношений (1925 г.); начало эпохи Сёва и движения в сторону ужесточения режима;
- экономический кризис конца 1920-х годов в мире и в Японии; бескризисное развитие советской России, успехи советских пятилеток;
- 30-е годы, захват Японией Маньчжурии и создание Маньчжоу-Го (1931–1932); появление общей сухопутной границы между двумя странами – очага постоянной напряженности и потенциальных конфликтов (февраль – апрель 1934; пограничные стычки в 1935 г.; советско-монгольский протокол о взаимопомощи и дислокация советских войск в Монголии (март 1936) и военное противостояние с Маньчжоу-Го; вооруженное столкновение у озера Хасан (Приморский край) и «маленькая война» у Халхин-Гола (МНР);
- внутренняя борьба в партии большевиков, консолидация власти в руках Сталина, расправа с его политическими оппонентами (1927–1938);
- резкое ослабление «партийной политики» и авторитета парламента в Японии и наступление политической реакции; инцидент 15 мая 1932 г.; путч 26 февраля 1936 г.;
- японо-германский антикоминтерновский пакт (ноябрь 1936 г.) и постепенное присоединение к нему других стран;
- китайский фактор: гражданская война в Китае, китайская Красная армия против Гоминьдана (нанкинского правительства); классовая солидарность советской России с Китаем;
- вторая война Японии с Китаем (1937), военное противостояние Советского Союза и Японии в Монголии, МНР против Маньчжоу-Го; завершение периода чисток в партии большевиков и завершение формирования культового тоталитарного государ-

ства; усиление влияния военных, рост идеологии экспансионизма в Японии;

- 40-е года, тройственный пакт (27 сентября 1940 г.);
- война Японии на Тихом океане и советской России с Германией; советско-японский пакт о нейтралитете – тактическая уловка с обеих сторон и передышка во враждебности; хрупкий мир в годы второй мировой войны;
- вступление Советского Союза в войну против Японии; победа и обращение Сталина к народу (3 сентября 1945 г.).

Япония признала временное правительство *спустя две недели* после его образования. 4 апреля в здании Мариинского дворца японский посол в Петрограде Утида Рёхэй вручил министру иностранных дел Павлу Милокову ноту от 30 марта 1917 г. об установлении отношений¹. Советскую Россию Япония признала только *через восемь лет*.

Для временного правительства российско-японский союз от 4 июля 1916 года имел ту же ценность, что и для царистской России. Но в его политике все больше вмешивались «рабочие советы» с их требованиями прекращения войны с Германией и лозунгом «мир без аннексий и контрибуций». К тому же возрождались стереотипы прошлого: подозрения, что Япония готовится воспользоваться хаосом, чтобы «ударить в спину» – напасть и оккупировать Дальний Восток. 11 мая 1917 г. все московские газеты опубликовали заявление итальянского консула о подготовке Японии к вторжению на российскую территорию².

Октябрьские события – захват ключевых пунктов в российской столице отрядами рабочих и солдат, которым удалось привлечь на свою сторону солдат охраны и моряков из Кронштадта, воспринимались сначала в Японии поверхностно.

8 ноября (25 октября) 1917 г. Утида в телеграмме из Петербурга описывал ситуацию утром следующего дня после восстания как абсолютно мирную и спокойную, словно накануне ничего не произошло. Сообщения о съезде Советов, которым руководили Ленин, Троцкий и Бухарин создавали впечатление, что это эпизод из общей хаотической ситуации³.

В последующем казалось: вот-вот в Петроград вернется Керенский вместе с верными ему войсками, звучало имя генерала Каледина. Однако признаков близкого поражения большевиков становилось все меньше, и новая власть все больше доказывала свою живучесть. Правительство в Смольном (Совнарком), которое возглавил Ленин, про-

¹ Документы внешней политики Японии, 1917. Раздел 1. Дело 12: «О внутреннем положении в России перед революцией». МИД Японии. Токио, 1967. (ДВПЯ, 1917/1/12). С. 481, 482 ; 日本外交文書 大正6年 (1917年) 第1冊 13事項 蘇國革命關係一件

² ДВПЯ. 1917/1/13. С. 493.

³ ДВПЯ. 1917/1/13. С. 562, 563.

возгласило новую внешнеполитическую доктрину. Она строилась на «классовом подходе» к происходившей войне и к международным отношениям в целом.

С первых же шагов новая власть обращалась с призывом ко всем воюющим государствам, в том числе и к Японии, о немедленном прекращении войны и заключении мира без «аннексий и контрибуций» (Декрет о мире, принятый уже на следующий день после прихода к власти). Этот призыв, как и все остальные действия советской власти, игнорировался. Ее враждебность пока не воспринималась как угроза интересам Японии или как повод для вооруженного вмешательства.

Но уже в декабре 1917 г. в кулуарах конференции стран Антанты в Париже был поднят вопрос об участии Японии в военной операции против «радикалов»⁴. Начальник Генерального штаба французской армии Фердинанд Фош 2 декабря 1917 г. от имени своей делегации высказался за оккупацию японскими и американскими войсками Сибирской железной дороги от Владивостока до Москвы⁵.

Интервенция «капиталистических государств» против государства «рабочих и крестьян» стала весьма вероятной, и, чтобы расколоть ряды своих врагов, новая власть 20 декабря 1917 г. обнародовала текст секретных статей российско-японского союза⁶. Нужно было убедить Вашингтон и Лондон, что этот договор был тайным сговором России с Японией против них.

Особенного эффекта не было. Государственный департамент заявил, что в нем нет ничего антиамериканского⁷. Президент Вильсон скептически относился и к идее тесного сотрудничества с Японией по проекту совместной оккупации, контроля над Сибирской железной дорогой и помощи антибольшевистским силам, имевшей в виду, что всем сможет заправлять американский посол Дэвид Фрэнсис, в феврале 1918 г. вместе с главами дипломатических представительств Японии, Китая и ряда других стран перебравшийся в Вологду⁸.

В Лондоне знали о содержании российско-японского договора 1916 г., когда он только готовился. Мало пользы было и от действий Троцкого, пытавшегося, как он сам признавался, убедить членов Антанты, что Япония представляет угрозу не только Советской России, но прежде всего им самим.

Армии Англии, Франции и Соединенных Штатов «могли бы произвести серьезное военное наступление только при помощи японской армии», уверял он. Однако думать, что «японская армия вступит на

⁴ Асахи симбун. 15.11.1917.

⁵ ДВПЯ. 1918/1/15. С. 733.

⁶ Известия. 20.12.1917.

⁷ New York Times. 22.12.1917.

⁸ Foglesong, David S. America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. University of North Carolina Press. Chapel Hill, NC. 1995. С. 150.

русскую почву для того, чтобы помогать союзникам и освободить Россию от немцев, могут только одни глупцы. Япония могла бы вмешаться в русские дела только с целью поработить Россию, и встретившись с немецкими войсками, протянула бы им руку дружбы»⁹.

Не внявшие доводам Троцкого страны Антанты готовились к интервенции, в которой главную роль должны были играть Япония и Соединенные Штаты. В годы русско-японской войны казавшаяся бредовой и авантюрной мысль о вторжении глубоко в Сибирь, теперь в Японии так не воспринималась. Бывший премьер-министр Японии Окума Сигэнобу иронизировал по этому поводу: «Когда Томидзу¹⁰ [в годы русско-японской войны] говорил о пространстве “к востоку от Байкала”, его прозвали “лунатиком” и он сам осознал нелепость своих идей. Теперь же почему-то не считаются нелепыми высказывания, что с глобальной точки зрения пространство до Байкала – это слишком мало и нужно говорить о пространстве к востоку от Урала»¹¹.

Окума, как и его ближайший сподвижник, бывший министр иностранных дел и будущий премьер-министр Като Такааки, выступал против сибирской «авантюры», но те, кто находился у власти в Токио, в тот период думали иначе. 2 апреля перед уходом в отставку министр иностранных дел Мотоно Итиро направил в адрес премьер-министра Тэраути обширную записку о необходимости посылки японских войск на российский Дальний Восток.

«Падение России усиливает шансы на конечный успех Германии. Из всех альтернатив наиболее разумно – сохранить союз с Англией и подключить к нему Соединенные Штаты. Даже если Германия выйдет победительницей в войне и с ней придется мириться – это будет легче делать, имея для этого серьезные козыри. С исчезновением России... возникает необходимость превратить в своего союзника сам Китай. Совместная с этой страной военная операция на российском Дальнем Востоке может стать основой такого сотрудничества»¹².

После тщательного анализа ситуации, сложившейся к началу 1918 г., доклад Мотоно рекомендовал безотлагательно приступить к посылке войск в Восточную Сибирь сразу после того, как от стран Антанты поступит такая просьба¹³.

План предусматривал активное вмешательство в саму Гражданскую войну на стороне «умеренных элементов» против «радикалов». Помогать первым в борьбе со вторыми, способствовать их выдавливанию из Сибири. При сохранении контроля над железной дорогой содейство-

⁹ Известия ВЦИК. 22.06.1918.

¹⁰ Томидзу Хирондо, профессор права Токийского государственного университета.

¹¹ Асахи симбун. 19.03.1918. 東人西人

¹² ДВПЯ. 1918/1/15. С. 742–750.

¹³ Там же. С. 751–752.

вать формированию российской гражданской власти на местах в Восточной Сибири и ее связи с югом европейской России, где уже действовали очаги борьбы с большевиками. При необходимости – оккупации и Западной Сибири с провозглашением независимости обеих частей Сибири¹⁴.

Интервенция Японии и их помощь «контрреволюции» в России к востоку от Урала большевиками воспринималось как крайне враждебное и наиболее опасное посягательство на «дело революции».

Японские войска были первыми из иностранцев, кто вошел в пределы бывшей России и последними, кто ее покинул. Началом международной интервенции на Дальнем Востоке считается август 1918 г. Но она фактически началась ранним утром 5 апреля 1918 г. во Владивостоке, где высадился небольшая японский десант, а вслед за ним и английский. Поводом послужило убийство двух и ранение одного японцев – служащих японской фирмы «Исидо»¹⁵.

В тот же день местная советская власть (Дальневосточный Краевой Комитет Советов Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов и самоуправлений) обвинила Японию «в грубом нарушении военной силой международного права и неприкосновенности нашей родины». Называя инцидент с убийством японцев «политической провокацией», новая власть возлагала надежды на японский пролетариат: *«Мы надеемся, что рабочие и крестьяне Японии и других держав возвысят свой голос и заставят и ваше правительство отозвать войска с нашей территории. Это – наша надежда на всемирный пролетариат»*¹⁶.

Следует отметить, что основное содержание этих протестов стало известно японцам через их газеты¹⁷. Широкою огласку получила и оговорка Троцкого, что для Советской России предпочтительней была бы оккупация Германии или любой другой европейской страны, чем Японии:

*«Если бы... Россия оказалась, хотя бы временно, перед необходимостью избирать между японской оккупацией и германской, то, разумеется, пришлось бы признать, что японская не менее, а более опасна для судьбы русского народа, ибо у нас несравненно меньше основания надеяться на возможность глубоких внутренних перемен в Японии в ближайшее время, чем в Германии»*¹⁸.

«Значительное число японских граждан и даже официальных лиц принимают непосредственное участие в гражданской войне на стороне контрреволюционных элементов против правительства Российской Федеративной Советской республики», звучало в ноте заместите-

¹⁴ Там же. С. 753.

¹⁵ New York Times. 08.04.1918. Russians Charge Japan Is Invading.

¹⁶ Власть труда (газета, издававшаяся в Иркутске). 12.04.1918. URL: http://scepsis.net/library/id_2829.html

¹⁷ Ёмнури. 15.04.1918. 露紙ウラジオストック事件論調

¹⁸ Известия ВЦИК. 22.06.1918.

ля наркома (министра) иностранных дел Чичерина от 24 апреля 1918 г. Он требовал от японского правительства принятия надлежащих мер, угрожая в противном случае применять по отношению к японцам меры, какие предпринимаются против русских контрреволюционеров¹⁹. *Несмотря на его нежелание начинать новую войну, Ленин готов объявить ее Японии*, сообщали мировые агентства²⁰.

В конечном счете в Японии было принято решение об ограничении территории оккупации Сибири пространством к востоку от Байкала. Вопрос об интервенции расколол японскую элиту на активных поборников такой акции и скептиков. Помимо армии и военных к первым принадлежали политики, которых до октябрьской революции причисляли к прорусски настроенным – министр иностранных дел Мотоно и министр внутренних дел Гото Симпэй, который в апреле заменил Мотоно, а с 1924 г. вел закулисные переговоры об установлении отношений с советской властью. Против выступали как раз те, кого причисляли к «ястребам» в прошлые годы – гэнро Ямагата Аритомо и бывший министр иностранных дел Като Такааки²¹.

К началу 1920-х годов в Сибири из интервентов оставалась только японская армия. Вольно или невольно, она была вовлечена в российскую Гражданскую войну со многими жертвами и разрушениями. В течение двух лет (1920–1922) на Дальнем Востоке разворачивалось кровавое и бескомпромиссное противоборство между «красными» и «белыми». У последних уже было мало надежд на победу, и вмешательство Японии на их стороне не имело никаких шансов на успех даже при готовности Токио идти на компромиссные образования или буферные зоны, как, например, Дальневосточная народная республика.

И «красные», и «белые» относились к японцам как к иностранной и чуждой силе, одни как к врагам, другие как временному и небескорыстному союзнику. «Нейтральная роль», которую Токио пытался играть, не воспринималась серьезно, а попытка играть такую роль была сопряжена с риском для самих оккупационных войск. Это наглядно продемонстрировал Николаевский инцидент в первой половине 1920 г., где помимо гражданского населения маленького городка, в середине XIX в. столицы и резиденции российского генерал-губернатора, был уничтожен весь японский гарнизон и все японские гражданские лица общим числом около 800 человек.

После событий в Николаевске японскими властями в отместку был арестован один из членов Дальневосточного бюро Центрального комитета РКП(б) Сергей Лазо и передан белогвардейцам. Вина за «сожжение

¹⁹ Там же. 26.04.1918.

²⁰ New York Times. 07.08.1918. *Lenine Threatens War Upon Japan*.

²¹ *Humphreys, Leonard A. The Way of the Heavenly Sword: The Japanese Army in the 1920's / Stanford University Press. Stanford, CA. 1995. С. 25.*

живыми» в топке паровоза Лазо и его товарищей также в отместку за массовое убийство «красными» белогвардейцев, вне зависимости от того, как это происходило на самом деле, приписывалась японцам.

«Зверства японской военщины» на Дальнем Востоке и героическое сопротивление еще долго были неотъемлемой частью пропаганды и воспитания нового поколения советских людей в духе патриотизма. Партизанское движение в Сибири против войск атамана Семенова, остатков Русской армии Колчака, а также мелких очагов сопротивления, поддерживаемых японскими войсками, получило героическую окраску и сформировало отрицательный образ Японии.

В Японии, напротив, интервенция в Сибири не считалась проявлением японского патриотизма или защитой национальных интересов. Отдавая должное памяти погибших солдат и офицеров, выполнявших свой воинский долг, газеты требовали призвать к ответственности тех из своих политиков, кто допустил эту тяжелую политическую ошибку. *«Жизни тысяч японских солдат, 600 с лишним миллионов цен военных расходов, антияпонские настроения в соседней России, испорченные отношения с державами – таков ее печальный итог»*, писали газеты²².

Сама интервенция в Сибири и ее полный провал отрицательно сказались и на внутренней политике Японии. В 20-е годы баланс между консерватизмом японского монархизма и заложенной в нем отцами-основателями конституционностью стал разрушаться.

Влияние консервативных кругов усилилось после сложения с себя императором Тайсё полномочий (25 ноября 1921 г.) и начала регентства наследного принца Муцухито. Смерть в феврале 1922 г. маршала Ямагата, неформального лидера военных и главного из гэнро, привела к окончательному ослаблению влияния этого института. Гэнро, при всей консервативности, не допускали ликвидации демократических начал мэйдзийской конституции и сдерживали оголтелых милитаристов.

В Советской России в эти же годы происходила консолидация новой власти. Образование СССР, пока в составе четырех советских республик, и принятие через два года новой конституции ставили точку в борьбе за власть. Договор от 29 декабря 1922 г. был полнокровным юридическим документом, определявшим структуру, функции и полномочия нового Советского государства.

Новое «государство рабочих и крестьян» строилось по современной модели и в нем не была прописана юрисдикция «руководящей и направляющей роли» большевистской партии, которая появилась позднее в конституции 1936 г. Партия оставалась как бы в тени, но о ее тоталитарной роли свидетельствовала структура одного из подразделений Наркомата внутренних дел Главного политического управления (ГПУ), заменившего ВЧК. Как и ВЧК, ГПУ имело чисто карательные функ-

²² Асахи симбун. 28.10.1922. 撤兵完了後の日露関係・社説

ции: это борьба с анархистами, меньшевиками и бундовцами²³, эсерами, крестьянами-антисоветчиками, бывшими белогвардейцами, жандармами, карателями, тюремщиками, еврейскими группами и партиями, правыми партиями и антисоветски настроенной интеллигенцией и молодежью, с православной церковью, конфессиями и сектами, с закавказскими национальными партиями и меньшевиками, бывшими членами ВКП(б), нелегальными партиями и протестными акциями рабочих и безработных.

Аналог ГПУ в Японии – Особая высшая полиция²⁴ была создана значительно раньше, в 1911 г. и действовала на основе закона об полицейском надзоре за общественной безопасностью²⁵, принятом еще раньше, в 1900 г. В 1922 г. этот закон был пересмотрен в сторону ужесточения. Список объектов полицейского надзора со стороны Особой высшей полиции напоминал аналогичный в ГПУ. Анархисты, которые первыми приводились в списке советского карательного органа, были одними из первых и в японском. Место еврейских и закавказских групп занимало корейское национальное меньшинство. ГПУ боролось с православной церковью, конфессиями и сектами, японская жандармерия – с новыми религиями и сектами.

В октябре 1921 г. полицией был разрушен храм секты Оомото, близкой к синтоизму, но считавшейся новой религией. В 1922 г. на строительстве гидроэлектростанции на реке Накацугава, притоке Синаногава, 600 из 1000 рабочих были корейцами, вывезенными на тяжелые работы в Японию. Они ютились в бараках в ужасной тесноте и работали за гроши. При подавлении бунта несколько десятков их было убито. Полицейские репрессии в отношении корейцев достигли особых масштабов сразу после землетрясения 1 сентября 1923 г. Большой резонанс получила расправа в эти же дни над лидерами японских анархистов. Осуги Саказ, его гражданская жена Ито Ноэ с шестилетним племянником Осуги в участке Особой верховной полиции японской жандармерии были забыты до смерти.

Анархистов по степени опасности существующему режиму в Японии приравнивали к коммунистам, которые в марте 1922 г. образовали свою партию. Сразу после создания партия ушла в подполье. Коммунизм считался учением, крайне враждебным тэнноизму, а коммунисты – «пятой колонной». Полицейские власти, скорее всего, располагали информацией о том, что создание компартии Японии было директивой Коминтерна и проект первой программы партии был написан там же. Знакомство с ней не оставляло в этом никакого сомнения: помимо де-

²³ Бунд – «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России». Еврейская социалистическая партия. На февраль 1917 года – 340 000 членов.

²⁴ 特別高等警察 или 特高警察

²⁵ 治安警察法

мократических лозунгов и борьбы за права рабочих и крестьян, задачей партии декларировалась ликвидация монархического строя, палаты пэров в японском парламенте, роспуск армии, полиции, жандармерии и тайной полиции, а также вывод японских войск из Кореи, Китая, Тайваня и Сахалина. Очевидным было и то, что с такой программой партия была обречена на подпольное существование²⁶.

Идеологическое влияние Советской России на Японию, как и на другие страны, не ограничивалось только политикой. Заметным было и духовное влияние. Идеи социализма были привлекательны и в духовном плане. В Японии это проявилось в появлении в 1920-е годы и продолжавшееся до середины 30-х годов движения «Пролетарская литература». В 1924 г. началось издание журнала «На передовой искусства»²⁷. В них индивидуализму противопоставлялись идеалы коллективизма, социалистические ценности. Многие из писателей этого движения принимали участие в политической жизни, подвергались преследованиям и гонениям.

Когда в 1924 г. в Пекине начались переговоры об установлении дипломатических отношений по настоянию японской стороны, в тексте договора об основных принципах взаимоотношений (Пекинский договор от 20 января 1925 г.) статья 5 была посвящена обязательствам сторон уважать «безусловное право» любого государства в рамках своей юрисдикции строить жизнь на свой лад и воздерживаться самой и не допускать любую деятельность по поддержке и финансированию лиц и организаций в открытой и скрытой формах, которые подвергают опасности порядок и безопасность на любой территории Японии и Советского Союза²⁸.

К январю 1925 г., когда были нормализованы их отношения, обе страны претерпели коренные системные перемены. После смерти императора Тайсё 25 декабря 1926 г. начался период правления нового императора Муцухито (эпоха Сёва). Конституционная монархия стала трансформироваться в жесткий «военно-монархический» вариант при усилении влияния военных на все сферы жизни общества. Заметно выросли экспансионистские настроения в отношении Китая.

Причиной послужили изменения во внутренней и внешней среде. Рост социалистического и рабочего движения в Японии был вызван быстрыми темпами индустриализации, урбанизации²⁹ и глубокими изменениями в социальной структуре общества. Коренные перемены произошли и во внешней политике. В 1921 г. на Вашингтонской конференции по военно-

²⁶ Scalapino, Robert A. Democracy and the Party Movement in Prewar Japan: The Failure of the First Attempt / University of California Press. Berkeley, CA, 1953. С. 329–333.

²⁷ 文芸前線

²⁸ ДВПЯ, 1925. Том 1. Дело 11. Заключение японо-советского договора об основных принципах взаимоотношений. 1. Заключение договора. МИД Японии. Токио, 1982. С. 481, 482.

²⁹ Население крупных городов (свыше 100 тыс.) с 1898 по 2018 г. выросло с 7,7 до 12,0 %. 日本の100年、第5版、表2–15 人口階級別の市町村数と人口

морским силам был аннулирован союзный договор с Англией, который в течение 20 лет был стержнем внешней политики страны. Союз с Россией 1916 г., несмотря на тесную привязку к англо-японскому договору, мог бы его заменить, но был похоронен революцией, и, в конечном счете, выбор Токио был сделан в пользу Германии. Идеи американского президента Вильсона о «справедливом демократическом мире», как и советские концепции «мира без аннексий и контрибуций», одинаково враждебно воспринимались в Японии как уловки этих держав идеологическими средствами достичь своих геополитических целей.

В Японии смерть императора Тайсё послужила началом новой политической эпохи, в Советской России смерть Ленина в январе 1924 г. после острой внутрипартийной борьбы привела к началу новой эпохи – сталинизму. На 14 съезде РКПБ (декабрь 1925 г.) потерпели неудачу попытки «левой оппозиции» (Каменев и Зиновьев при нейтральной позиции Троцкого) сместить Сталина. Съезд не поддержал их предложение о замене генерального секретаря партии, и это стало началом его расправы над другими лидерами партии вплоть до установления в партии и в стране диктатуры личной власти.

Близкие по сути явления в двух странах протекали в разных формах и контекстах. Если в Японии движение к тоталитаризму заняло десятилетие и было следствием ослабления мэйдзийской государственности, то в России государство стало тоталитарным практически сразу. Монопольное правление партии большевиков – наиболее радикальной ветви российской социал-демократии, позже стало конституционной нормой. Через идеи «классовой борьбы» и «диктатуры пролетариата» большевизм стал политическим ядром государства нового типа – государство «власти Советов». Любые иные формы политической и экономической активности преследовались в уголовном порядке. Сам суд, как и остальные две ветви власти, представительная и исполнительная, формировались под контролем партийно-бюрократического аппарата. В России за рассматриваемый период были приняты три конституции – 1918-го, 1925-го и 1937-го годов. В Японии конституция Мэйдзи оставалась нетронутой до конца войны. Радикализация системы, ее авторитарных и тоталитарных черт происходила за счет принятия серии законов, ужесточивших политический контроль государства, его репрессивных и карательных функций. Лишь в октябре 1940 г. создание Ассоциации содействия Трону оставило лишь небольшой сегмент прежнего мэйдзийского государства. На всеобщих выборах в январе 1942 г. из 466 депутатов 381 были избраны при поддержке Ассоциации. В результате сформировалась практически однопартийная система (*ёкусан сэйдзи тайсэй*)³⁰.

³⁰ Асахи симбун. 25.02.1942.

Что касается экономики, сталинизм покончил с робкими попытками сохранения рыночных отношений и капиталистические отношения полностью уступили место государственной собственности на землю и орудия труда при полном отрицании и даже судебном преследовании частной собственности. Плановое и директивное развитие экономики не только вытеснило рынок, но и в конечном счете ликвидировало его. Оно обладало большими мобилизационными потенциями и на определенном этапе демонстрировало поразительные результаты, а застой, деградация и коллапс были связаны с отсутствием механизмов самосовершенствования, гибкого реагирования на изменения внешней среды и появление новых цивилизационных возможностей (научно-технический и информационный прогресс). Это был не проигрыш капитализму как системе, а неспособность ответить на новые вызовы цивилизационного развития.

Советская экономическая система была разновидностью госкапитализма, который в Японии при сохранении частной собственности как института проявлялся во все большей концентрации капитала в руках нескольких крупных монополий – *дзайбацу*. Пресловутые четыре компании (Мицуи, Мишубиси, Сумитомо и Ясуда) контролировали от трети до половины внутреннего рынка и внешнеторгового оборота. Близость этих и других монополий к правительству и политическим партиям была настолько очевидной, что в годы военных путчей в середине 30-х годов они стали объектами террора со стороны правых радикалов. В середине 30-х годов в чередовавшихся правительствах Японии серьезно рассматривался вопрос о государственном контроле над экономикой, который реализовался в предвоенные и военные годы.

В духовной сфере в обеих странах формировалась идеология агрессивного патриотизма на базе прославления – в Японии традиционных, в Советской России – новых ценностей. В Японии идеи экспансионизма получили развитие под вывеской паназиатизма. В Советской России «экспорт революции» осуществлялся под идеями пролетарского интернационализма и мировой революции. Насильственное внедрение в массовое сознание новых идеалов подчиняло культуру идеологии, рождало штампы, клише и догмы.

В России произошла смена самой модели государственного и общественного устройства. Концепция классовой борьбы как сути общественных процессов деформировало общечеловеческие нормы: не было просто «права», а было «социалистическое право», не было просто «морали», а были «социалистическая мораль», «социалистическая культура» и т. д.

Японии удалось избежать раздвоения идентичности по классовому признаку и, тем более, замены японской культурной идентичности на другую. В революцию Мэйдзи были случаи раскола, гражданских

войн, но это были в первую очередь межклановые противоречия, а идеологическая борьба шла между «консерваторами» и «либералами» – сторонниками модернизации как средства выживания нации. Консерваторы выступали за сохранение идентичности, но сторонники реформ не отрицали ее, добиваясь лишь отказа от устаревших и нежизненных ее черт. Поэтому дело не дошло до раскола и не было борьбы на взаимное уничтожение, как в России, где идеологически и физически отрицались как консерватизм, так и либерализм (модернизм) в пользу классовой доктрины.

В Японии примирение между двумя лагерями наступало быстро за счет компромисса интересов. Новое государство абсорбировала всех и в нем побежденные занимали свою нишу, в том числе и на верхних этажах власти (ярким примером являются адмирал Эномото Такэаки и Хаяси Тадасу, назначавшимися министрами иностранных дел и на другие высокие посты, а выходцы из потерпевшего клана Токугава занимали высокие посты в палате пэров). Даже в рассматриваемый период представители умеренно-либерального лагеря, выступавшие подчас с резкой критикой засилья военных, не подвергались гонения со стороны официальных органов, а становились жертвами террора со стороны ультра-националистов. Эти акты осуждались, а террористы, совершившие эти убийства, подвергались судебному преследованию, а в случае путча 1936 г., многие из них были казнены.

В России раскол так и не был преодолен. Старая элита за редким исключением не заняла сколько-нибудь заметного положения в новом государстве. «Красный террор» еще в годы Гражданской войны, особенно после левозеровского покушения на Ленина, истребил оставшуюся элиту и закрыл дорогу для ее возвращения домой, на Родину.

Из трех функциональных компонентов в структуре власти – политический, бюрократический и экономический, в советской России политический (партийный) был подавляющим. Экономический класс был представлен партийно-хозяйственным, а бюрократический – партийно-управленческим. На первый взгляд, двойственная структура (аппараты) управления страной – бюрократическая, Совнарком, и политическая, ЦК ВКП(б), на самом деле была единой – партийной. Партийная иерархия (членство и иерархия в партии) была главной. Все учреждения и организации любого профиля имели двойственную структуру управления, административную и политическую. Первая была представлена дирекцией, вторая парткомом. Лишение партийного билета или понижение в партийной иерархии автоматически вело к исключению или понижению всех остальных статусов. Это же касалось и специфической части госслужащих – армии и полиции, включая органы государственной безопасности. Все они были под жестким и прямым партийным контролем. В армии на всех уровнях ее структурных частей назначались политработники и комиссары.

В японской армии не было института политработников. Для контроля над армией использовался другой институт власти – император. Отношения армии и флота с императором были традиционно особыми: защищая страну, военные в первую очередь защищали императора, его священную особу согласно бывшему официальным синтоистскому мифу, что почитание императора по фанатизму делало разновидностью религии.

Только начальники генеральных штабов армии и флота имели право прямого доступа ко двору и доклада императору. На этих докладах без особого приглашения не могли присутствовать другие, включая политического советника императора – министра-хранителя печати. Два профильных министра и премьер-министр ставились лишь в известность о содержании докладов. Всего этого не было в конституции Мэйдзи, но таковыми были правила, принятые после ее обнародования в 1889 г.³¹

Но в связке «император – военные» чем более «божественной» становилась persona императора, тем меньше реальной власти у нее оставалось. Поэтому со временем не столько император влиял на армию и флот, сколько наоборот. Контроль императора над армией проявил себя в последний раз в 1928 г., когда 4 июня в результате спецоперации Квантунской армии взрывом на железнодорожной станции вблизи Мукдена (Шэньяня) в вагоне поезда был убит лидер Маньчжурской военной клики Чжан Цзолинь. Недовольство императора самоуправством военных привело к отставке правительства генерала Танака Гиити. Но уже в 1931 г. очередная провокация Квантунской армии привела к оккупации всей Маньчжурии, и авторитета императора не хватило, чтобы остановить роковой шаг.

Порочность такого положения была в двусмысленности, заложенной в конституции Мэйдзи, в 1-й статье которой определялось, что император «управляет» Японией³², а в 4-й, что это управление он осуществляет на основании положений конституции³³. Эта двусмысленность проявилась в двух теориях о юридическом статусе императора. Одна гласила, что сувереном страны является император³⁴, другая, что как юридическое лицо, сувереном является государство, а император – глава страны, то есть наивысший, но все же институт государства³⁵. Последняя интерпретация повышала авторитет институтов государства, в том числе парламента, что делало военных ее непримиримыми врагами. В августе 1935 г. было принято специальное заявление правительства, которое резко осуждало и запрещало теорию «императора

³¹ Peter Wetzler. Hirohito and War: Imperial Tradition and Military Decision Making in Prewar Japan / University of Hawaii Press. Honolulu, 1998. С. 166.

³² 大日本帝國ハ萬世一系ノ天皇之ヲ統治ス

³³ 天皇ハ國ノ元首ニシテ統治權ヲ總攬シ此ノ憲法ノ條規ニ依リテ之ヲ行フ

³⁴ 天皇主權說

³⁵ 天皇機關說

как института государства». Повышая авторитет императора до священного культа они тем самым работали на себя.

В Советской России юридический (конституционный) статус вождя также был двусмысленным или просто неясным, хотя все ресурсы государства работали на его возвеличивание, а он сам держал в своих руках все бразды правления страной, принятия более или менее важных решений. В конституции 1924 года вообще не было упоминания о партии большевиков. В середине 30-х годов, как и в Японии, эта двусмысленность исчезает. В новой конституции 1936 г. в статье 126 раздела «Основные права и обязанности граждан» Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) была обозначена как «руководящее ядро» всех общественных и государственных организаций. При этом, образ вождя все больше приобретал черты сакральности. Близкой к святости была идея его непогрешимости, мудрости и компетенции, когда сомнение в них было не только уголовно наказуемым преступлением, но и считалось «святотатством», оскорблением чувств всего народа. Близкими к обожествлению были фразы типа: «Сталин для нас больше, чем родной отец!» или: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство» и многие другие. Культ Сталина прорастал на почве культа Ленина. Это было необходимо для «освящения» авторитета нового вождя.

Наличие двух культов соответствует формуле «бог и его пророк». В Японии к роли первого подходил император, по определению существо божественного происхождения. Когда-то на роль «пророка» претендовали сёгуны, получавшие от хризантемного трона «благословление» (императорскую печать) на правление. После революции Мэйдзи это место по конституции по идее отводилось народу в лице представительной власти. На самом же деле при слабости гражданских институтов власти это место оставалось вакантным. Рост политического влияния военных был признаком их посягательства на эту роль. Но у военных не было явно выраженного лидера, который мог бы претендовать на роль «вождя». Более того, сами военные делились на «оголтелых» и «умеренных». В японской литературе их принято обозначать как приверженцев группы *кодоча*³⁶ и *тосэйха*³⁷. Поэтому условно в роли «коллективного вождя» выступали генштабы японской армии и флота, учитывая их уже упоминавшиеся особые отношения с троном.

Но в проводимой аналогии главное другое – как это было у Сталина в отношении Ленина, японские военные стремились довести культ императора до абсолюта, чтобы им «освятить» свою власть. Обвиняя своих противников в оппортунизме, мягкотелости, отходе от «ленинских норм» и предательстве «дела Ленина», Сталин использовал культ бывшего

³⁶ 皇道派

³⁷ 统制派

вождя для уничтожения своих врагов внутри партии, в том числе и ближайших соратников Ленина, которые вместе с ним делали революцию.

В «идеологии» военных культ императора был необходим для оглушительной критики «прогнившей» гражданской власти и власти банкиров. В своих крайних проявлениях военные выступали за свержение гражданской власти и введение диктатуры в целях «восстановления» абсолютной власти императора. Путч 15 мая 1932 г. молодых офицеров флота при поддержке армейских кадетов проходил под лозунгом «реставрации Сёва». Под давлением общественности за убийство премьер-министра Инукаи Цуёси и попытку военного переворота путчисты получили всего лишь по несколько лет тюрьмы.

Усиление культовых элементов власти в двух странах в 30-е годы происходило при схожести и различиях в мотивациях. В Японии мотивация в основном была связана с политикой экспансии на материк. В Советской России это было связано с концом иллюзий в отношении мировой революции и усилением идеологии «осажденной крепости», требовавшей большей концентрации власти в одних руках и подавлению любого инакомыслия. Подвергшаяся чистке и физическому уничтожению «ленинская гвардия» была в основном носителем старой большевистской идеологии «демократического централизма», которая предполагала борьбу мнений и даже фракционность. Идеи Коминтерна, созданного Лениным, при Сталине все меньше были идеологическими и все больше обслуживали геополитические цели.

Со временем имя Ленина, сохраняя свой культовый характер, становилось все более формальным. Имя Сталина из «пророка» переходило в категорию самого «бога». Оно стало ассоциироваться с именем страны (Родины) в целом. С криками «За Родину, за Сталина!» солдаты шли в атаку и встречали свою смерть. В Японии японские солдаты на полях сражений в Китае в 30-е годы ограничивались восклицанием *тэнно хэйка бандзай!* поскольку император это и была Родина.

Производный от культа фанатизм масс порождает похожие образы и образцы преданности вождю. В Японии идеал солдата, отдавшего свою жизнь за императора появился еще в годы русско-японской войны. В 30-е годы, когда после захвата Маньчжурии начались спорадические сражения с регулярной китайской армией, в одном из таких (первое Шанхайское сражение февраля 1932 г.) появился образ преданного императору воина.

Он был захвачен в плен в бессознательном состоянии, и после обмена пленными оказался в госпитале японской армии, но не выдержал позора «пленения», направился вновь на то место сражения, где был пленен, и покончил жизнь самоубийством с возгласом *тэнно хэйка бандзай!*³⁸. Этот подвиг командира батальона 7-го полка 9-й пехотной

³⁸ Эмиури симбун. 1932.02.24 「天皇陛下万歳」と絶叫しつつ絶命 空閑少佐悲壮な最期

дивизии майора Куга Нобору³⁹ был прославлен в кино и в литературе тех лет. Газеты широко освещали поступок офицера, детали его пленения и содержания в нанкинском госпитале, писали о китайском офицере, который спас ему жизнь, а позже был прикомандирован к военной миссии Китая в Токио⁴⁰.

В Советской России такие образы появились в годы Второй мировой войны. Подвиг Александра Матросова, совершенный, по официальным данным, до и после самого акта мужества и самопожертвования около 300 раз, был поднят и увековечен прессой. То же касается и подвига Зои Космодемьянской и др.

Между двумя культурами были и серьезные различия. Японский император не участвовал напрямую в выработке и принятии решений. Он их санкционировал, т.е. «благословлял». Есть свидетельства его фактической изоляции при принятии серьезных решений, в частности, в отношении начала войны с Китаем в 1937 г., что давало основание считать его «заложником» его же императорской системы⁴¹. Сталин до последних дней оставался реальным властителем страны, хотя считается, что в последние годы и он стал заложником мощной тоталитарной системы, которую он сам создавал.

В традиции советского культа было приписывание своим вождям «человечности» и «простоты» (особенно Ленину). Тем самым подчеркивалось их принадлежность народу. В Японии народ, напротив, принадлежал императору. С конца 1936 г. в обозначении японского народа появился и (чем позднее, тем чаще) стал использоваться термин *комин* (皇民) – «народ императора». В Японии император считался потомком богов и никак не мог ассоциироваться с простолюдинами. Между императором и народом была огромная дистанция, если вспомнить традиционный запрет на прямые взгляды в сторону «священной особы», запрет наступать на его тень и др.

В выражении *комин* аналога *нихондзин* этническая принадлежность нивелировалась. Поэтому насильственная ассимиляция населения японских колоний получило термин *коминка* (皇民化), а не *нихондзинка*. Любопытно, что и японская армия в операциях за рубежом страны, помимо общепринятого *нихонгун*, начиная с первой японо-китайской войны 1894–1895 гг., стала обозначаться как *когун*⁴². Так ее часто называли во время карательных операций на Тайване и в Корее⁴³.

³⁹ 空閑昇

⁴⁰ Асахи симбун. 02.04.1932. 空閑少佐の悲しき想出 「支那人の弾ぐらいで己が死ぬものか」 軍刀を杖に立ち上る 最期を見届けた滝土等氏談 Kuga Noboru.

⁴¹ Hoyt, Edwin P. Hirohito: The Emperor and the Man / Praeger Publishers. Westport, CT. 1992. С. ix; 111.

⁴² Асахи симбун. 09.11.1895. 征清皇軍連戦連捷祝宴

⁴³ Там же. 07.01.1896. 台湾の新土匪

Аналогичное явление в Советской России реализовалось через концепцию «советского народа», в котором растворялись этносы наций, входивших в состав Советского Союза. В России «советизация» национальных республик означала их мягкую ассимиляцию через идеологическую общность.

В идеологическом и геополитическом противостоянии Японии и Советской России все 30-е годы XX в. огромное место занимал Китай, рост коммунистического движения в нем, борьба, названная «войной сопротивления Японии»⁴⁴ (повторенная в 40-е – 45-е годы во Франции и других европейских странах, оккупированных Германией) и гражданская война. Поначалу симпатии советских коммунистов были на стороне Гоминьдана в его борьбе с засильем иностранцев. В конце 20-х годов возможная интервенция англичан в Шанхае вызывала солидарность советской прессы с борьбой угнетенных китайских рабочих против английских капиталистов. Информация частью черпалась из японских источников, которые в тот период симпатизировали Гоминьдану⁴⁵.

С началом 30-х компартия Китая стала одной из ведущих сил в стране. Одновременно возросло влияние на КПК Коминтерна, то есть Москвы. По «рекомендации» Коминтерна ЦК компартия Китая 11 сентября 1931 г. в нескольких районах учредил Китайскую Советскую республику и Временное центральное советское правительство (Совет народных комиссаров) во главе с Мао Цзэдуном. В 1931–1932 гг. была завершена реорганизация Китайской Красной Армии.

Одновременно Коминтерн пытался действовать на широком поле всего азиатского направления. По линии Тихоокеанского секретариата профсоюзов в советской печати публиковалась «боевая перекличка» между рабочими колоний и метрополий, давалась картина «ужасающей нужды и голода десятков миллионов безработных и полубезработных в Китае, Индии, Корее и Японии»⁴⁶.

Все чаще появляются материалы о бедственном положении трудящихся в Маньчжурии, оккупированной Японией, и соседней Корее – японской колонии. Со ссылкой на «буржуазные газеты» Японии сообщалось о политических заключенных в этой стране, о бесчеловечных условиях их содержания, о популярности левых идей в среде корейской интеллигенции, о мероприятиях японской полиции по пресечению забастовок на предприятиях Сеула, приуроченных ко дню русской революции 7 ноября⁴⁷.

Образование Маньчжоу-Го и события в этом марионеточном государстве, несмотря на явную пропагандистскую направленность, освещались

⁴⁴ 抗日戰爭

⁴⁵ Гудок. 01.02.1927.

⁴⁶ Правда. 23.02.1931.

⁴⁷ Там же. 10.12.1933.

часто и подробно. На банкетах 2 марта 1934 г. по поводу коронации Пу И присутствовали лидеры белогвардейского движения и некогда выдвигавшегося проекта «Желтороссии» – генералы Кислицин, Вержбицкий, Бакшеев. К славословию нового императора Великого Маньчжурского государства присоединился и митрополит Харбинский и Маньчжурский архиепископ Мелетий. Об этом можно было узнать из советской печати того времени⁴⁸.

Но к этому моменту после аннексии Маньчжурии Япония активно занялась собственно Китаем. Не строя особых иллюзий в отношении «порабощения» этой огромной страны, как писала советская печать, Токио пытался сформировать в Китае дружественный себе режим, которому можно было бы «давать советы» или даже управлять им. В гоминьдановском правительстве в начале 1936 г., по сведениям советского посла в Нанкине Богомоллова, было шесть министров, выходцев из Японии. В противоположность Гоминьдану, в котором подспудно боролись прояпонские деятели с теми, кто был настроен антияпонски, но видел главную для себя опасность в китайских коммунистах, последние выступали как бескомпромиссная антияпонская сила⁴⁹.

Их всесторонняя поддержка Москвой повысила градус враждебности в двусторонних отношениях в 30-е годы. Работавшая активно в Нанкине японская разведка доносила, что Богомоллов встречался с министром иностранных дел нанкинского правительства и *советовал сформировать на Севере Китая «объединенный фронт» борьбы против японцев, обещая в ответ прекратить деятельность в Синцзяне, открыть для китайских купцов границы с Внешней Монголией (МНР). В случае же, если Гоминьдан пойдет на заключение с Японией военного пакта, направленного против коммунистов, и возможных военных действий Японии против Внешней Монголии, Советский Союз вынужден будет считать гоминьдановское правительство своим врагом*⁵⁰.

Разоблачения китайской прессы намерений Токио захватить район устья Янцзы и доминировать над половиной населения и экономики Китая охотно публиковались в советской прессе. Здесь же сообщалось о «волнениях» среди японских солдат, агитации «революционного солдатского комитета», его призывах не сражаться против китайских войск, разоружении и отправке домой, расстрелах сотен неповиновавшихся⁵¹.

В усилении влияния китайской компартии Токио склонен был видеть, в первую очередь, проект Москвы по «советизации»⁵² этой страны и

⁴⁸ Известия. 05.03.1934.

⁴⁹ Документы внешней политики Японии, период Сева II. Раздел I (Отношения с Китаем). Том 5–1. Дело 7–3. Отношения с Советским Союзом. Токио: МИД Японии, 2008. С. 1397 (далее: ДВПЯ, 1936.07–1937.07/1/5/2/7-3).

⁵⁰ ДВПЯ, 1936.07–1937.07/1/5/2/7-3. С. 1399.

⁵¹ Красная Звезда. 21.02.1931. Общность интересов капиталистов.

⁵² 赤化

всей Восточной Азии. В телеграмме от 16 декабря 1936 года японскому послу в Пекине Кавагаэ Сигэру министр иностранных дел Японии Арита Хатиросу напоминал, что «борьба с проникновением коммунизма в Восточной Азии составляет основу национальной политики Японии»⁵³. Поводом для этого послужил острый политический кризис в Китае в связи с арестом днями ранее (12 декабря) Чан Кайши. В Сиане два мятежных генерала – Чжан Сюэлян⁵⁴ Ян Хучэн⁵⁵ посадили под домашний арест президента страны, когда тот отказался сформировать Единый Фронт борьбы против Японии. Опасаясь, что вместо Чан Кайши к власти в Гоминдане может прийти ставленник Японии Ван Цзинвэй⁵⁶, Коминтерн рекомендовал китайским коммунистам содействовать освобождению своего злейшего врага. Перед дилеммой, кто более опасен – «красные» или японцы, «Правда» давала понять: *пора осознать, что последнее опаснее, так как может привести к гибели самого Китая*⁵⁷.

На арест Чан Кайши повлияло подписанное в Берлине 25 ноября того же года японо-германское Соглашение по обороне от коммунизма (Антикоминтерновский пакт)⁵⁸. К нему мог подключиться Чан Кайши, после чего любой компромисс в гражданской войне становился призрачным.

Антикоминтерновский пакт резко усилил враждебность между Советской Россией и Японией, которая к этому моменту достигла высокого накала. В сверхсекретном документе японского МИД от 8 мая 1936 г. относительно «политического соглашения» с Германией, которое Арита переслал японскому послу в Берлине Мусякодзи Кинтомо, обращалось особое внимание, что, «в отличие от Германии, у которой весьма простые отношения с Советским Союзом, у Японии они *чрезвычайно сложные*»⁵⁹.

Но в Токио не хотели воевать с Советским Союзом и Арита призвал Мусякодзи проявлять особую осторожность. *Соглашение с Берлином призвано сдерживать рост военной мощи Советского Союза на Востоке и политику поощрения китайских коммунистов, но ни в коем случае не провоцировать его на войну*⁶⁰.

Документ был завизирован военным министром генералом Тэраути Хисаити, одним из «милитаристов», члена группы «императорского пути». Его словесная перепалка с депутатом парламента ветераном

53 東亜における赤化勢力の進出防止は我国策の根幹なり

54 張學良

55 楊虎城

56 汪兆銘

57 Правда. 11.01.1937.

58 日独防共協定

59 Документы внешней политики Японии, период Сёва II. Раздел 2. Том 5. Дело 4–4. Отношения с другими странами. Токио: МИД Японии, 2007). С. 421–423 (далее: ДВПЯ, 1936/2/5/4-3)

60 ДВПЯ, 1936/2/5/4-3. С. 421–423.

японской политики Хамада Кунимацу 21 января 1937 г. привела к политическому кризису. Хамада подверг резкой критике вмешательство военных в политику, обвиняя их в «диктаторской идеологии», которая резко усилилась после подавления военного путча 26 февраля 1936 г.⁶¹ Военный министр обвинил депутата в оскорблении армии и потребовал от премьер-министра Хирота Коки роспуска парламента, пригрозив в случае отказа своей отставкой. После безуспешных попыток уговорить разъяренного министра правительство ушло в отставку. Преемником Хирота императорским указом был назначен генерал Угаки Кадзусигэ, но прославившейся в свою бытность военным министром планом сокращения армии и военного бюджета Угаи был отвергнут военными, которые воспользовались восстановленным Хирота старым положением, что военным министром может быть назначен действующий генерал. Угаи в это время был уже в резерве.

В результате формирование правительства было поручено генералу Хаяси Сэндзюро. Правительство просуществовало всего четыре месяца. На следующий день после принятия бюджета Хаяси распустил парламента и назначил новые выборы в надежде усилить позиции проправительственных партий. Но случилось обратное и впервые в парламенте прошли умеренно левые партии. Одна из них, Социалистическая массовая партия завоевала 36 мест. Поражение на выборах заставило правительство Хаяси подать в отставку.

Ничего подобного в Верховном Совете СССР тех лет не было. Более того, после убийства Кирова 1 декабря 1934 г. в стране началась кампания массовых репрессий. Чисте подверглись сотни тысяч человек. В Японии жестоким репрессиям подвергались коммунисты и другие противники режима. Другие оставались невредимыми. Упомянутый Хамада в 1938 г. получил титул барона, Угаки стал министром иностранных дел в правительстве Коноэ Фумимаро, пришедшем к власти после отставки Хаяси.

Оценка этих лет в советской печати строилась на идеологических штампах. Реальная борьба двух лагерей, консервативного и праволиберального, порой приводившая к кровавым убийствам, трактовалась как «мнимая», как инсценируемая для введения в заблуждение народные массы. Уход в отставку правительства генерала Хаяси и приход князя Коноэ после всеобщих выборов 30 апреля 1937 г. оценивались как *ловкий маневр правящей буржуазии*. Сам Коноэ – *более тонкий и ловкий политик, идеологически более близкий к реакционным фашиствующим кругам японского империализма чем генерал Хаяси, мог более умело «выполнить их директивы»*.

Партии Сэйюкай и Минсэйто определялись как *буржуазно-помещичьи, и их политика в парламенте не как сопротивление реакции, а как со-*

⁶¹ Scalapino, Robert A. Democracy and the Party... С. 385.

гласие на военно-фашистские реформы при условии, что они будут проводиться «достаточно гибко». С другой стороны, Генеральный штаб японской армии «нашел для себя выгодным оставаться (до поры до времени) на позициях буржуазной легальности».

Как и в случае европейских стран, советская коммунистическая печать особенно резко критиковала японскую социал-демократию. Отмечая, что депутаты левоцентристской Социалистической массы партии (Сякай Тайсюто) попали в парламент, «вскрабкавшись по спинам антифашистских избирателей», орган советских коммунистов называл позорным зрелищем их поведение в парламенте, откровенно «раболопный тон» их выступлений по поводу войны Японии в Китае⁶².

Начало войны с Китаем в 1937 г. стало новым рубежом в советско-японской идеологической и военной конфронтации. Этот год был этапным и в усилении политического доминирования военных и формирования в Японии режима, близкого к тоталитарному. В Советской России 1937 г. был годом того, что потом будет названо «Большим террором». Газеты клеймили врагов «троцкистско-зиновьевского блока». На них вешали ярлыки *пособников империалистов, фашистских агентов и японского милитаризма*. В широком освещении процесса над «антисоветским троцкистским центром» приводились «доказательства» связи Троцкого с Гитлером и японскими милитаристами⁶³.

В китайских лагерях для японских военнопленных разворачивалась деятельность японских диссидентов, призывавших японских солдат к пораженьству. Один из них, писатель из группы «пролетарской литературы» Кадзи Ватару (настоящее имя Сэгути Мицуги) после краткосрочного пребывания в тюрьме в 1936 г. перебрался в Шанхай. В Китае он стал главным помощником одного из лидеров КПЯ Носака Сандзо. Актер по профессии, Кадзи был красноречив и развернул активную работу среди японских военнопленных⁶⁴. Это напоминало работу русских большевиков в годы Первой мировой войны. В эти годы ряд деятелей японского коммунистического движения перебираются в Китай и оттуда ведут работу по организации революции в Японии.

В этот период происходят первые военные столкновения между Японией и СССР. После образования Маньчжоу-Го 1 марта 1932 г. между ними впервые появилась общая сухопутная граница – очаг постоянной напряженности и потенциальных конфликтов. Так было в феврале–апреле 1934 г., пограничные стычки были и в следующем 1935 г. В марте 1936 г. был подписан советско-монгольский протокол о взаимопомощи, согласно которому в Монголии были дислоцированы

⁶² Правда. 13.09.1937.

⁶³ Известия. 30.01.1937.

⁶⁴ *Colbert, Evelyn S.* The Left Wing in Japanese Politics / International Secretariat Institute of Pacific Relations. New York, 1952. С. 67–69.

советских войска. Теперь граница потенциальных конфликтов стала значительно больше.

Первое серьезное столкновение двух армий произошло 29 июля 1938 г. в районе у озера Хасан на границе с Маньчжурией и Кореей. Оно продолжалось лишь несколько дней и закончилось 11 августа. Ему предшествовала серия нарушений со стороны Квантунской армии границы и «война нервов»⁶⁵.

Непосредственно ему предшествовало бегство в Маньчжурию одного из самых высоких чинов НКВД Генриха Самойловича Люшкова. Японские газеты были полны сообщений на эту тему, «показаний» самого сбежавшего, печатали портреты Сталина, Ежова и Блюхера, которому этот инцидент стоил жизни. В больших заголовках звучали слова о «кровавых чистках», стремлении Сталина с их помощью скрыть свои неудачи во внутренней политике и подготовку к войне⁶⁶.

Победа Советской армии у озера Хасан вызвала искренний энтузиазм и широко использовалась официальной советской пропагандой. Тогда японских солдат называли уничтожительно «самураями», а победителей чествовали как героев. 6500 солдат и офицеров были награждены орденами и медалями. Двадцать шесть стали героями Советского Союза⁶⁷. Девяносто пять были награждены орденами Ленина⁶⁸.

Через год (май–сентябрь 1939) в боях на Халхин-Голе с обеих сторон участвовали десятки тысяч солдат, полтысячи орудий, пулеметов и самолетов. По этим параметрам они могут быть отнесены к маленькой войне, которая снова окончилась победой Советской армии. Потери японской стороны в живой силе превосходили в несколько раз. Более чем убедительная победа вызвала еще больший энтузиазм в Советском Союзе.

Это сражение началось в канун Второй мировой войны и закончилось подписанием соглашения о перемирии уже после ее начала 1 сентября 1939 г. А в самый разгар сражений 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский договор о ненападении. Этот договор был шоком для Японии. Полномасштабная война с Советским Союзом, ставшая проблематичной после Халхин-Гола, теперь стала еще более призрачной. Переговоры же в начале сентября 1940 г. о заключении Тройственного пакта (Япония–Германия–Италия) между специальным посланником Риббентропа Генрихом Штамером⁶⁹ и германским послом в Японии Ойгена Отта с Мацуока Ёсукэ в частной резиденции японского министра иностранных дел в токийском районе Сэндагая

⁶⁵ Nish, Ian. Japanese Foreign Policy in the Interwar Period / Praeger. Westport, CT. 2002. С. 130.

⁶⁶ Асахи симбун. 02.07.1938; 東清行過ぎの犠牲 冷酷・スターリンの責任転嫁 ソ連大將入満の裏面; 14.07.1938 リュシコフ大將記者団と会見

⁶⁷ Советская военная энциклопедия. Т. 8. М., 1976. С. 366, 367.

⁶⁸ 50 лет Вооруженным силам СССР. 1918–1968. М., 1968. С. 219–220.

⁶⁹ Stahmer, Heinrich Georg.

убеждали Токио, что Берлин после заключения Тройственного союза намеревался включить в него Советский Союз. Эта идея Риббентропа была отвергнута Гитлером, который, однако, согласился на достижение взаимопонимания со Сталиным в Восточной Европе⁷⁰.

На переговорах с Мацуока Штамер, ссылавшийся на то, что его устами говорит Риббентроп, заявлял, что Германия против осложнения отношений Японии с Советской Россией и готова посредничать в решении проблем между Токио и Москвой⁷¹.

В марте 1941 г., когда в надежде заключить пакт о нейтралитете Москву посетил Мацуока, ситуация изменилась в корне. Отношения Гитлера со Сталиным резко ухудшились, и уже в ноябре 1940 г. был принят план «Барбаросса». Но в Японии уже перестали думать о войне с Советской Россией как о ближайшей перспективе и обратили взгляд на юг.

Записи двух совершенно секретных разговоров Сталина с Мацуока 24 марта и 12 апреля 1941 г., хранящиеся в Особой папке «Архива президента», дают много пищи для анализа геополитических и идеологических особенностей столкновения интересов двух стран.

В первой мартовской встрече шел осторожный зондаж геополитических позиций друг друга накануне визита японского министра в Берлин. В ней, по просьбе Мацуока, особое место заняла идеология.

«В Японии уже давно имеется коммунизм», – сделал ошеломляющее заявление японский министр. «Моральным коммунизмом» он называет «верховную власть японского императора *тэнно*». «Тэнно – это государство, и все принадлежит ему». Злейшим врагом Японии являются англосаксы и их ценности – идеалы индивидуализма [независимости личности] и [свободного] капитализма. «Англо-саксонские традиции нанесли ущерб Японии, а промышленный переворот затормозил развитие морального коммунизма». *В Японии пока еще незначительная группа политиков выступает за распространение своих идеалов на огромное пространство Восточной Азии под лозунгом хакко итиу («во всем углов под одно крышей»), что означает «всемирный мир, основанный на справедливости». Эта группа выдвигает лозунг «долой капитализм и индивидуализм». В Китае Япония ведет войну не с Китаем и его народом, а с англосаксами, то есть с Америкой и Англией, ведет войну с капитализмом и индивидуализмом, а Чан Кайши всего лишь слуга англосаксонских капиталистов.*

Убежденный в схожести идеологического и духовного фундамента двух стран и народов, Мацуока предлагал Сталину идти вместе «рука

⁷⁰ Young, William. German Diplomatic Relations 1871–1945: The Wilhelmstrasse and The Formulation of Foreign Policy. iUniverse, 2006. С. 284.

⁷¹ ДВПЯ, 1940, тройственный пакт: Документы внешней политики Японии. Сборник записей по японо-германо-итальянскому тройственному союзу. МИД Японии. Токио, 2004. С. 60.

об руку». Реакция вождя была осторожной. Какова бы ни была идеология в двух странах, она не должна мешать практическому сближению двух государств. Единственное, что определено и без особых размышлений, по мнению Сталина, сближало две страны, это отношение к англосаксам: «русские никогда не были их друзьями, и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить»⁷².

После визита в Берлин на встрече в Кремле 12 апреля Мацуока вновь вернулся к вопросу о духовной общности в идентичности двух стран. Он уточнял, что не все японцы привержены «моральному коммунизму»: *«много болезней капитализма, который пришел в Японию более полувека тому назад, сказалось в распространении индивидуализма и капитализма среди японского народа»... «В Японии идет не явная, но жестокая борьба между капитализмом и моральным коммунизмом... Япония сможет вернуться к моральному коммунизму».*

Перейдя на тему геополитики, Мацуока бросал на кон одну за другой козырные карты: *«Когда СССР будет стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана... это нужно допустить, и если СССР захочет иметь порт Карачи, то Япония будет закрывать на это глаза... Судьбу Азии решают две силы – Япония и СССР... и потому... Японии и СССР лучше идти рука об руку, чем ссориться... Чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англосаксов, а потому... нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах».*

В вопросах геополитики на этот раз Сталин был более откровенным, чем на предыдущей встрече. *Он готов заключить с Японией пакт о нейтралитете (Мацуока на это уже не надеялся). Более того, он считает допустимым сотрудничать со странами Тройственного союза по «большим вопросам» и сделать его четырехсторонним. Проблема только в заявлениях Гитлера о том, что «он не нуждается в военной помощи». Вопрос о пакте четырех может встать случае, если дела Германии и Японии пойдут плохо, а пока можно ограничиться пактом о нейтралитете с Японией. Это станет серьезным шагом к будущему сотрудничеству по большим вопросам. 30 лет Россия и Япония смотрят друг на друга как враги. Между Россией и Японией была война. Был заключен мир, но мир не принес дружбы. Поэтому он присоединяется к мнению Мацуока о том, что если пакт о нейтралитете будет заключен, то это будет действительно поворотом от вражды к дружбе».*

На следующий день 13 апреля 1941 г. был подписан Пакт о нейтралитете. Но никакого поворота от «вражды к дружбе» не было. Обе страны,

⁷² АП РФ (Архив Президента Российской Федерации). Ф. 45. Оп. 1. Д. 404. Л. 83–88
URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1011552>

⁷³ АП РФ (Архив Президента Российской Федерации). Ф. 45. Оп. 1. Д. 404. Л. 91–101.
URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1011552>

несмотря на схожесть тоталитарных черт и идеологии, оставались друг другу враждебными. Тем не менее, стратеги обеих стран выиграли от его подписания, о чем свидетельствовали проводы Мацуока на вокзале самим Сталиным. В течение всей войны с середины 1941 до середины 1945 г. обе страны могли заниматься своими тяжелыми проблемами войны, не опасаясь прямого столкновения друг с другом.

Но подготовка к войне друг с другом началась очень скоро. Кто ее начнет первым – зависело от хода их войны с другими странами. В середине 1943 г. уже стало более или менее ясно, что в войне с США на Тихом океане Япония терпит поражение. Как Германия в Европе, она не смогла добиться молниеносной победы, а в затяжной войне обе страны были обречены на поражение.

28 ноября 1943 года на встрече Большой Тройки в Тегеране Сталин, несколько не смущаясь тем, что срок пакта истекал только 13 апреля 1946 г., в принципе дал согласие на участие в войне против Японии. Он уточнял только, что для войны с Японией нужно увеличить количество советских войск на Дальнем Востоке, по крайней мере, в три раза. *«Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда – общим фронтом против Японии»*⁷⁴. Однако на просьбы Рузвельта в том же Тегеране предоставить аэродромы на советском Дальнем Востоке для бомбардировок японских городов, а также на целый ряд других предложений он не согласился. Американские источники свидетельствовали, что за время войны с США, Япония получила из Советского Союза 40 млн т угля, 140 млн т древесины, 50 млн т проката, 10 млн т рыбы и большое количество золота. *«Торговля с Советским Союзом помогла вести Японии войну с Соединенными Штатами»*⁷⁵.

Во время Крымской конференции Рузвельту удалось за счет целого ряда стратегических уступок добиться согласия Сталина на участие в войне против Японии. США и Англия признали статус-кво МНР, согласились на возвращение Советскому Союзу Южного Сахалина и прав в Китае, утерянных в русско-японскую войну, а также на передачу под советский суверенитет Курильских островов, принадлежавших Японии по Санкт-Петербургскому договору 1975 г.

Война Советской России с Японией началась 9 августа и продолжалась три недели, значительно меньше, чем до этого на Халхин-Голе. До этого сохранявшая нейтральное отношение советская печать в эти дни была переполнена словами ненависти к врагу. Особенно отличались военные газеты. Идеологические штампы перемешивались с расистскими высказываниями. *«Подлости и ухищрениям заклятых самураев», противопоставлялась русская «сметка» и находчивость. Называя «са-*

⁷⁴ URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Text/War_Conf/tehran02.htm

⁷⁵ Japan at War: An Encyclopedia / Ed. Louis G. Perez; ABC-Clio. Santa Barbara, CA, 2013. С. 343.

мураев» «исконными заклятыми врагами» военная газета призывали к «революционной бдительности и настороженности»⁷⁶.

Этим чувством были охвачены не только военные. В отклике на обращение Сталина к советскому народу по поводу победы над Японией украинский народный поэт Максим Рыльский писал о «Японии, которая с непонятым и отвратительным упорством угрожала миру всего мира, и не только угрожала – она нарушала этот мир упорно, постоянно». «Современные самураи отдали все силы одной цели – убивать и угнетать. Передовые страны мира понимали опасность и жуть нынешней Японии и боролись с ней. В этой борьбе благородную свою руку подал им Советский Союз. Творить и освободить – таков наш девиз. Руководимые этим великолепным и великодушным девизом, мы, люди России, Украины, Белоруссии, всех братских республик, великой семьи советской, нанесли смертельный удар Японии. Совершенно дело великой исторической справедливости»⁷⁷.

Обращение Сталина к советскому народу 2 сентября 1945 г. было также пропагандистки эмоциональным, полным чувства справедливой мести за прошлые поражения, унижения и понесенные жертвы. О поражении русских войск в 1904–1905 гг.: «Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил».

Лексика и мировоззрение вождя резко отличались от того, что было в марте и апреле 1941 г. «Япония – один из двух очагов мирового фашизма и мировой агрессии. Она, как и Германия, развязала мировую войну и поставила человечество и его цивилизацию на грань гибели»⁷⁸.

О том, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут Советскому Союзу, Сталин говорил в будущем времени, имея в виду, что для этого нужно будет подписать мирный договор. Но именно его позиция в 1951 г. при заключении мирного договора с Японией не позволила закрепить в международно-правовом документе их принадлежность Советскому Союзу, что стало одним из факторов, отравлявших общественное сознание в двух странах и мешавших их сближению в будущем.

⁷⁶ За Советскую Родину. 15.08.1945.

⁷⁷ Известия. 04.09.1945.

⁷⁸ Правда. 03.09.1945.